

9 (M) 03
Л-38

И. В. АЛЕВЧЕНКО

ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИИ

— средневековье —

ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ • 1940

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
26	6 сверху	низкие	низшие
36	14 »	14 тыс.	4 тыс.
58	6 »	χλᾱ	χίλια
138	14 »	Хрисофир	Хрисохир
194	8 »	1937	1897
200	16 снизу	Кулеова	Кулеона
223	примеч.	Τὰ σωζόμενα	Τὰ σωζόμενα

М. В. Левченко «История Византии». Заказ № 103.

9/М/03
138

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

краткий очерк

Российский Инн культурного
и народного наследия
БИБЛИОТЕКА

КОВЕРНО

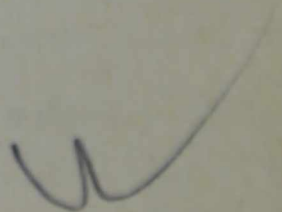
ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва * 1940 * Ленинград

~~1231~~

З БИБЛИОТЕКА
И.М. 079

«История Византии» М. В. Левченко является попыткой дать систематический марксистский очерк внутренней истории этого государства, начиная с последних дней Римской империи и кончая гибелью Византии в 1453 г. В работе М. В. Левченко также освещается проблема русско-византийских отношений и в частности вопрос о влиянии Византии на формирование древнейшей культуры многих народов СССР.

«История Византии» представляет собой пособие для студентов и преподавателей вузов, а также и для самообразования.

ВВЕДЕНИЕ

История Византии не изучалась русскими историками-марксистами. Причины этого понятны. Известно, какое значение эта отрасль истории имела при царизме, особенно в последние годы его существования. Византиноведческими проблемами занимались четыре духовных академии, был организован археологический институт в Константинополе, издавалось два исторических журнала специально по истории Византии, начали учреждаться отдельные кафедры по этой отрасли при университетах. Царизм, как известно, никогда не отличался любовью к свободному научному исследованию. Наоборот, он его всегда давил и душил, а если он и способствовал до известной степени изучению истории Византии, то отнюдь не в интересах свободного научного исследования. Русское византиноведение, особенно благодаря деятельности таких крупнейших ученых, как академики Васильевский и Успенский, дало ряд ценных для науки результатов, но в общем оно велось в определенном направлении и было нужно царизму как необходимая составная часть в раскрытии и пропаганде его официальной программы, выражавшейся в знаменитой формуле: «самодержавие, православие, народность»; эта работа была также нужна русскому самодержавию, претендовавшему на роль наследника византийских императоров, для идеологической подготовки захвата Константинополя и проливов.

Нужно отметить, что русские византилисты по мере сил способствовали осуществлению поставленных перед ними задач. Лучшим доказательством этого является то, что огромное большинство этих византилистов не приняло Великой Октябрьской социалистической революции и предпочло в качестве белоэмигрантов (Вернадский, Кондаков, Острогорский и ряд других) способствовать созданию реакционно-буржуазной истории Византии, издавая специальные журналы по византиноведению за границей.

Великая Октябрьская революция решительно порвала с империалистической политикой царизма. Она также решительно расправилась с пережитками византинизма в политическом строе и культуре нашей страны. Естественно, сделалась ненужной и навсегда отпала и значительная часть той тематики, которой занималось русское дореволюционное византиноведение, обслуживая задания царизма.

Но это отнюдь не значит, что трудящиеся массы нашей страны не заинтересованы в научном, марксистском изучении истории византийского общества и государства. Тов. Димитров указывал на VII конгрессе Коминтерна, что в борьбе с буржуазной идеологической заразой всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого всего человечества и отдельных стран представляет интерес для пролетариата.

К этой борьбе тов. Димитров призывал историков-марксистов. А изучение истории Византии, несомненно, является важным историческим вопросом. Никто не станет отрицать, что в период раннего средневековья Византийское государство играло крупнейшую роль в истории западной и восточной Европы, а также передней Азии. Нельзя забывать, что было время, когда некоторые части территории нашего Союза, как, например, Крым, Армения, Грузия, в той или другой своей части, непосредственно входили в состав Византийского государства, что те же Грузия и Армения, а также Киевская и Московская Русь подвергались длительному и мощному воздействию византийской культуры. Как известно, христианство было принято Русью от Византии. «Вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры».¹ Ясно, что трудящиеся массы нашей страны вправе заинтересоваться историей Византийской империи, а советский историк должен удовлетворить этот интерес и дать научную историю Византии, построенную на основе марксистско-ленинской методологии.

«Византийский вопрос» в буржуазной историографии разбирается уже давно и переживает любопытную эволюцию. Буржуазная историческая наука на западе, напуганная пролетарской революцией, склонна все выше расценивать роль средневековой Византии как оплота культуры, порядка, законности.

В этом отношении любопытно сравнить характеристику Византии в буржуазной историографии XVIII—XIX вв. с ее характеристикой буржуазными историками эпохи всеобщего кризиса капитализма. Идеологи буржуазии XVIII века Монтескье и Вольтер с величайшим презрением характеризуют византийскую историю, как самый затхлый, ужасный участок эпохи средневекового варварства, как «позор для человеческого ума». С особенной яркостью и убедительностью изобразил историю Византии как безнадежное разложение и неуклонное умирание знаменитый английский историк конца XVIII века Гиббон.

Для Гиббона «подданные Восточной империи, усвоившие и бесчестившие название греков и римлян, представляют безжизненное однообразие гнусных пороков, в которых не видно даже той энергии, которая воодушевляет выдающихся преступников».²

Безжизненной, однообразной, лишенной интереса представляет-

¹ Из постановления правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР.

² Gibbon, *The History of the decline and fall of the Roman Empire*, v. V, 1908, стр. 170.

ся история Византии и большинству буржуазных историков XIX века. Так, например, Грегоровиус в своей «Истории города Афин в средние века» пишет: «Византийские историографы изобразили историю империи от Зосимы до Франдзи в длинном ряде творений, обнимающих целое тысячелетие, и ни один из культурных народов не может похвалиться подобной полнотой исторической литературы. Но в общем все эти летописцы рисуют утомительную в своем однообразии картину: горделивый, но вместе с тем бедственный императорский двор в столице, дворцовые революции, пошлейшие церковные дразги и, наконец, однообразную борьбу с славянами и турками, превратившуюся в хронический недуг».¹

Эта характеристика в эпоху пролетарских революций сменяется диаметрально противоположной. Англичанин Рамзей, давший ряд ценных исследований по эпиграфике и исторической географии Малой Азии, ставя вопрос, каково было в этой части Византийской империи положение средних классов, прежде чем начались арабские набеги, смело отвечает: «Мне кажется, что массы жили хорошо, страна была хорошо обработана и процветала, что здесь было мало гнета, судопроизводство функционировало хорошо» и, во всяком случае, «население Восточно-римской империи было лучше управляемо и пользовалось большим довольством, чем население всякого другого современного ему государства».²

К этому же выводу приходят на основании анализа папирологического материала византийского Египта Гарди и Шнебель.³

Они находят, что византийские крупные землевладельцы в Египте V—VII вв. управляли своими имениями с большой мудростью и гуманностью, тратили большую часть своих доходов на мелиоративные работы, делали крупные скидки с ренты своим держателям во время неурожая, сами не получая никаких скидок от государства. К выводам Шнебеля и Гарди частично присоединяется Руйяр, по мнению которого «нельзя отрицать известного благосостояния в долине Нила в момент арабского завоевания».⁴

К сожалению, ни один из этих новейших панегиристов Византии не может дать вразумительного ответа на вопрос, почему же эта счастливая и процветающая империя в VII веке претерпела жестокий военный разгром от арабов, лишилась большей части своей территории, а население Египта, Сирии, Месопотамии несколько не сожалело об утрате византийского суверенитета. Белоэмигрант Острогорский называет Византийскую империю единственным государством европейского средневековья, если термин государство употреблять в современном смысле слова. По его мнению, «она выделялась среди раздробленного феодального мира своим строгим

¹ Грегоровиус, История города Афин в средние века, стр. 137.

² Ramsay, Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire, стр. 293.

³ A. Hardy, The large estates of Byzantine Egypte, стр. 148; Schnebel, Agricultural ledger in Pap. Bad. N 95, «The journal of Egyptian Archacology», v. XXV, 1928, стр. 45.

⁴ G. Rouillard, L'administration civile de l'Egypte byzantine, 1928, стр. 198.

централизмом. Она имела в своем распоряжении высокоразвитый, зависимый от центра государственный аппарат, она вела мировую торговлю. Ее экономика строилась на денежном хозяйстве и регулярных доходах. Тщательно сбалансированный бюджет достигал в лучшие времена 100 миллионов золотых марок, при тогдашней более высокой покупательной силе денег». ¹

По мнению Байе, «Византия в истории культуры средних веков до XII века играла такую же роль, как Афины и Рим в античном мире и Париж в новое время». Один из крупнейших буржуазных византинистов Диль подчеркивает «великое и благодетельное» культурное влияние Византии на славян и восток. Для славян и востока, по его мнению, «Византия была тем же, чем Рим для западного и германского мира, т. е. великим воспитателем, великим инициатором, носителем религии и цивилизации». Он утверждает, что Византия «принесла сербам, болгарам, русским историческую жизнь и цивилизацию, дав им алфавит, литературный язык, принципы гражданского управления, законы литературы и искусства».

Диль и другие буржуазные византинисты безмерно идеализируют историческую роль Византии. Нельзя, конечно, отрицать, что в период раннего средневековья Византия по отношению к Востоку и Западу Европы была носителем более высокой культуры, что принесенное из Византии христианство было шагом вперед по сравнению с язычеством для славян и, в частности, для русских, поскольку вместе с христианством среди славян распространялась греческая культура и образованность. Идеализация Византии буржуазными историками заключается в том, что они умалчивают об оборотной стороне медали — о Византии как оплоте деспотизма, церковности, усовершенствованного механизма эксплуатации трудящихся масс.

На эту сторону дела неоднократно обращал внимание Маркс. И она по понятным причинам ускользает от взоров буржуазных ученых.

Основоположники марксизма не занимались специально вопросами византийской истории, но в немногих гениальных высказываниях они ярко и метко определяли историческую роль Византии. Маркс не отрицал крупной роли, какую играла Византия и византийская культура в период раннего средневековья, факта подчинения громадных территорий восточной Европы и передней Азии влиянию византийской религии и цивилизации, но он подчеркивал реакционность этого государства, когда указывал на ужасные и насильственные формы губительного могущества Византии. ²

«Константинополь, — писал Маркс, — это — вечный город, это — Рим Востока. Западная цивилизация и восточное варварство при греческих императорах, восточное варварство и западная цивилизация».

¹ Ostrogorsky, Vierteljahrschrift für Social und Wirtschaftsgeschichte, 1929, v. 22, h. 2, стр. 129.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 441.

лизация при господстве турок так тесно переплелись между собою, что этот центр теократической империи стал настоящей преградой для распространения европейского прогресса». ¹ Основоположники марксизма, раньше чем кто-либо из буржуазных историков, правильно указали одну из важнейших причин «живучести» Восточно-римской империи, причину, почему грандиозная катастрофа, которая включает историю античной Римской империи, сказалась в меньшей степени на Востоке, чем на Западе. Энгельс отмечает «уцелевшие остатки» торговли, как отличие Восточной империи от Западной. ²

Маркс указывает, что Константинополь в дальнейшем, «До открытия прямого пути в Индию... был огромным торговым рынком...» ³ Характеризуя вытекающее отсюда богатство средневековой Византии, Маркс называет Константинополь «золотым мостом между Востоком и Западом». ⁴

Гениальный анализ аграрных отношений поздней Римской империи, данный Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», помогает нам определить и общественную систему Восточной Римской империи по ее отделении от Западной, поскольку в Восточной империи колонат в V—VI веках получил такое же распространение, как на Западе. Колонаты поздней Римской империи Энгельс рассматривает, как предшественников средневековых крепостных. Развитие римского сельского хозяйства в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой стороны — к раздроблению имений на мелкие арендные участки, заселенные колонами. В результате этого развития получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание таким образом способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века. Поскольку в восточной половине империи происходили аналогичные процессы, мы можем рассматривать общественную систему Восточно-римской империи по ее отделении от Западной, как общественную систему, где уже получили преобладание предпосылки и элементы новой общественной формации.

Значительная часть буржуазных историков во главе с Зееком, автором многотомной «Истории падения античного мира», характеризует население поздней Римской империи, как покорную массу, безропотно переносящую все проявления правительственного деспотизма.

Разумеется, подобные утверждения являются фальсификацией исторической действительности. Гениальные высказывания И. В. Сталина на съезде колхозников-ударников, ярко и четко выявив

¹ Там же, стр. 440.

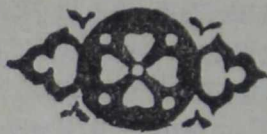
² Там же, т. XVI, ч. I, стр. 125.

³ Там же, т. IX, стр. 382.

⁴ К. Маркс, Традиционная политика России, Сочинения, т. IX, стр. 441.

действительные причины грандиозного краха Западной Римской империи. помогают нам уяснить и ход исторического процесса в Восточно-римской империи. Хотя революционное движение в V веке в Восточной империи не протекало так обостренно, как на Западе, тем не менее и Восточно-римская империя с самого начала своего отдельного существования являлась ареной ожесточенной классовой борьбы. Формы этой борьбы были чрезвычайно разнообразны, но на всех этапах истории Византии ход классовой борьбы определял исторические судьбы империи.

В аспекте классовой борьбы мы и должны рассмотреть отчаянную борьбу правящего класса Восточной империи за сохранение и укрепление своего классового господства.

Особенностью Византии было, далее, то, что здесь исключительно ярко выступает тесный союз между самодержавием и православием. Недаром Маркс называет Византию «центром теократической монархии».

В Константинополе, да и в других городах империи, особенно много было монастырей, монахов, одурманивавших народ «чудотворными» иконами, мощами и другими предметами религиозного колдовства. Причина тесного союза между самодержавием и православием была, в другой связи, следующим образом объяснена Лениным: «Святыня православия, — писал он, — тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного будто бы рая». ¹

Но византийские церковники, проповедуя трудящимся массам воздержание и нестяжание, являлись сами хищными стяжателями и набирали себе правдой и неправдой громадное количество земель и других богатств. Наиболее дальновидные представители византийского правящего класса видели и понимали это зло, как это обнаруживает эпоха иконоборцев, но устранить его надолго не могли. Пагубные последствия чрезмерного размножения в Византии паразитического монашества были понятны русскому царю Петру I, который справедливо говорил: «на одном канале от Черного моря до Царьграда не меньше 300 монастырей было, а отсего, когда турки подошли к Царьграду, ниже 6000 воинов изыскать не могли».

«Азиатскому правительству, — говорит В. И. Ленин, — нужна опора в азиатском крупном землевладении и крепостнической системе «раздачи имений»». ² Так дело обстояло и в Византии. Развившееся в VII—VIII вв. свободное крестьянское сословие к концу XI века потеряло большую часть своей земли, а вместе с землей крестьяне теряли и свободу, опускаясь до положения зависимых па́риков. Но вместе с исчезновением свободного крестьянства исчезал и тот источник, который, выражаясь словами новеллы Романа Лакапина 943 г., «удовлетворял двум существенным государственным потребностям: сбору казенных податей и несению воинской повинности». ³ Быстро падала обороноспособность государства, уменьшались ресурсы византийской казны, обострялись все более внутренние классовые противоречия. Мы не должны преувеличивать сознательность византийских трудящихся масс, разрозненных, забытых, опутанных предрассудками, полных веры в царей и попов. Несмотря на это, угнетенные массы неодно-

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. IV, стр. 354.

² Там же, стр. 172.

³ Zachariae, op. cit., t. III, стр. 247.

кратно поднимались, чтобы сбросить иго эксплуататоров. Можно сказать, что нигде в Европе в период раннего средневековья классовые противоречия не достигали такой остроты, как в Византии, столица которой в раннее средневековье, по характеристике Маркса, была «...главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе».¹ Недаром отсюда распространилась ересь, известная здесь как ересь богомилов, а на западе как ересь катаров. В XII веке в Византии, как известно, проживал глава всех европейских катаров. Но освободиться от гнета византийские крестьяне не могли. Их выступления неизменно носили стихийный и местный характер, а в городах у них не было надежного союзника и руководителя. Византийское правительство, составленное из знатных и богатых, и при Комнинах и при Палеологах обнаруживало полную неспособность примирить или ослабить внутренние противоречия. Неизбежным последствием нарастания этих противоречий и явился целый ряд сокрушительных экономических и политических поражений Византии в конкуренции и борьбе с окрестными народами, начиная битвой под Манцикертом (1071 г.), повлекшей потерю Малой Азии, и кончая взятием Константинополя турками, прекратившим затянувшуюся агонию Византии.

После разгрома Константинополя крестоносцами, нанесшего дряхлеющей Византии непоправимый удар, восстановленная империя Палеологов оказалась, как мы видели выше, хилым и мало-жизненным организмом. Она уступала одну за другой свои территории османским туркам, пока, наконец, не была ограничена Константинополем и его ближайшими окрестностями. В Византии XIII—XV вв., раздираемой непрерывной внутренней борьбой и страдавшей от внешних вторжений, казалось, не было ни места, ни времени, ни подходящих условий для какой-либо культурной жизни. Однако, несмотря на ряд неблагоприятных условий, гибнущая Византия продолжала еще оставаться центром сравнительно высокой культуры. Как и в лучшие времена империи, процветали Константинопольские школы, куда собиралась молодежь не только из областей греческого языка, но и из стран христианского востока и из Италии, в которой пробуждалось гуманистическое движение. Литературное творчество византийцев, если не по содержанию и глубине, то по разнообразию и количеству, не уступает предшествующей эпохе. Философы, во главе с известным Гемистом Плетоном, попрежнему толковали Аристотеля и Платона. Риторы и филологи, изучавшие лучшие произведения античной древности, продолжали собирать вокруг себя многочисленных учеников. Ряд историков описали в своих трудах два последние столетия империи. Появлялись поэтические произведения. Развивалось и искусство, оставившее несколько памятников высокой ценности.

Литература еще больше, чем в прежнее время, носила энциклопедический характер. Византийские риторы и философы испытывали свои силы в различных областях литературы. Еще более, чем во

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

времена Комнинов, усиливался разрыв между разговорным греческим языком и искусственным школьным — «аттицизмом», который занимает в литературе XIV—XV вв. весьма значительное место. Литература последнего периода существования Византии носит еще более ярко выраженный аристократический характер, чем в предшествующие эпохи. Ее представителями являются иногда сами императоры, например Михаил Палеолог, написавший, помимо других литературных произведений, любопытную автобиографию, найденную среди рукописных сокровищ Синодальной Московской библиотеки, или Мануил II, оставивший богатое, еще не полностью изданное литературное наследство.

К числу известных литературных деятелей принадлежит и соперник Иоанна V — Иоанн VI Кантакузин, своею деятельностью во многом ускоривший гибель Византии. Главным его произведением являются четыре книги «Историй», в которых рассказана история Византии с 1320 по 1355 год. Со стороны формы труд Кантакузина имеет значительные достоинства, но по содержанию он справедливо назван Гиббоном не исповедью, а «апологией честолюбивого политика», который напрасно, вопреки фактам, пытается уверить потомство в чистоте и благородстве своих побуждений. Но, несмотря на свой сугубо партийный характер, мемуары Кантакузина сообщают чрезвычайно много важного материала для смутной истории Балканского полуострова в XIV веке, в частности для истории славян.

Весьма видным византийским писателем XIII века является Георгий Пахимер, достигший высших должностей в восстановленной в 1261 г. империи Палеологов. Пахимер написал важный исторический труд, охватывающий время с 1261 до 1308 года, в котором он выступает врагом унии и с особенной тщательностью останавливается на изложении нудных церковных догматических споров своего времени.

К XIV веку относится деятельность Никифора Григоры, приближенного Андроника, показавшего свою ученость в самых разнообразных отраслях знания. Получив прекрасное образование и будучи хорошо знаком с древней литературой и наукой, особенно с астрономией, что побудило его даже предложить правительству не проведенную в жизнь календарную реформу, Григора успешно занимался преподавательской и литературной деятельностью. Его многочисленные сочинения затрагивают вопросы богословия, философии, астрономии, истории, риторики и грамматики. Его учитель, руководитель правительства при Андронике II, меценат Феодор Метохит также оставил многочисленные сочинения по философии, истории, риторике и астрономии, многочисленные стихотворения и письма, позволяющие видеть в Феодоре Метохите самого выдающегося после Григоры представителя литературы XIV века.

Византийские литераторы XV столетия Гемист Плетон и Виссарийон относятся уже скорее к истории итальянского гуманизма. Гемист Плетон интересен для нас как философ, увлеченный всецело идеей о том, что пелопоннесское население представляет собой наи-

более чистый и древний тип греческого народа. Он представил Мануилу II любопытный проект политической и социальной реформы для Пелопоннеса, составленный под влиянием идей Платона. Как далеко заходит Плетон в своих реформаторских гуманистических планах, показывает его большой труд — «Трактат о законах», где он делает попытку восстановить язычество на развалинах христианского культа при помощи неоплатонической философии. В то время как Константинополь падал и рушился, Плетон делал фантастические попытки возродить греческое государство в Морее.

Роковые события 1453 года были описаны четырьмя историками: Георгием Франдзи, Дукой Лаоником, Халкоподилом и Критовулом.

Ко времени Палеологов относится последний крупный юридический памятник Византии, имевший огромное влияние на Балканском полуострове и в Бессарабии до недавнего времени. Это — юридическое руководство фессалоникийского юриста и судьи Константина Гарменопула, известное под именем «Шестикшижия», которое излагает гражданское и уголовное право Византии.

Несколько неожиданное, если принять во внимание общее положение государства, развитие отмечается в XIV—XV вв. и в сфере искусства. Об этом развитии византийского искусства красноречиво свидетельствуют фрески церквей Мистры в Пелопоннесе и Сербии, и, в особенности, знаменитые мозаики Кехриэ-джами в Константинополе, отличающиеся самобытностью, сентиментальностью стиля и той тонкостью исполнения, какую может дать одно лишь высокоразвитое и обладающее прекрасными традициями искусство. Нельзя принять «западную» гипотезу возможности влияния итальянских мастеров XIV в. (Джотто) на византийское искусство, чем будто бы и объясняются его новые формы. Этому противоречит наличие «новых» форм византийского искусства в византийских фресках Хоры, Мистры и Сербии, относящихся к первой трети XIV века, когда искусство «треченто» едва успело оформиться в самой Италии. Скорее можно говорить о продолжающемся влиянии византийских образцов на итальянское искусство XIII века.

Изложенное объясняет нам, почему византийская цивилизация продолжала распространяться в соседних странах, несмотря на то состояние агонии, в котором находилось само византийское государство в XIV—XV вв. Сербия с VII века находилась под византийским влиянием. Но это влияние растет и расширяется именно после того, как при Стефане Немане Сербия отвоевала свою самостоятельность, а при Стефане Душане сделалась опасным для Византии соседом. По образцу Византии Стефан Неманя стремился организовать сербское государство. Сербские кралои рождаются с Константинопольскими василевсами, они поддерживают тесные сношения с византийским миром. Их двор, администрация, право, литература и искусство глубоко проникаются византийскими влияниями.

Усиление византийского влияния с XIV в. можно отметить также в Валахии и Молдавии. Это влияние одинаково сильно чувствуется и в церковном, и административном, и культурном отношениях.

Греческие епископы становятся первыми митрополитами Валахии и Молдавии. Даже когда Византия пала, ее влияние здесь сохранилось. Валашские господа одевались в византийские костюмы, окружали себя греческими чиновниками, стремились править по византийским образцам, говорили на греческом языке. Господствовала византийская литература, искусство и византийская идеология.

Культурное развитие юго-восточной Европы было насильственно прервано турецким завоеванием. Но зато в Италии новый растущий класс — городская буржуазия — вырабатывает новое мировоззрение, отличное от феодального, стремясь при выработке этого мировоззрения опереться на традиции античной, особенно греческой культуры, а для усвоения этой культуры широко могли быть использованы услуги греческих ученых, бежавших из своей завоеванной турками родины. Роль византийцев в развитии итальянского гуманизма не следует преувеличивать. Движение это целиком коренилось в жизненных условиях самой Италии. Роль византийских ученых была служебная, техническая — учителей греческого языка, комментаторов греческих авторов, обладателей античных греческих рукописей, а не инициаторов и вождей гуманистического движения.

Но и ограниченная этими скромными рамками деятельность византийских ученых, бежавших в Италию до и после турецкого завоевания, имела немаловажное значение в успехах гуманистического движения, в повышении интереса к античной древности вообще и к греческой в частности.

Уже в XIV в. калабрийский грек Варлаам обучал греческому языку Петрарку, хотя ученик был и более образован и талантлив, чем его учитель. Ученик Варлаама Леонтий Пилат обучал греческому языку Боккачио. Плодом их совместных занятий был первый буквальный латинский перевод Гомера.

С конца XIV и в XV веке в Италии появляются такие видные греческие ученые, как Мануил Хрисолор, Гемист Плетон, Виссарион Никейский, не говоря о целой плеяде менее заметных величин. Хрисолор был восторженно встречен итальянскими гуманистами. Ряд лет он с успехом преподавал во Флорентийском университете, затем в Павии передавал слушателям свои обширные познания в греческой литературе. Еще более значительна была роль Гемиста Плетона, находившегося в свите императора Иоанна VIII, когда последний прибыл на Ферраро-флорентийский собор. Плетон явился в Италии ревностным пропагандистом философии Платона. До этого в школах западной Европы комментировали и изучали исключительно философию Аристотеля. Принеся с собой в Италию свое увлечение философией Платона, он настолько повлиял на Козимо Медичи и итальянских гуманистов, что явился инициатором идеи основания Платоновской академии во Флоренции. Не менее значительна была роль его ученика Виссариона. Не уступая по таланту и образованию итальянским гуманистам, Виссарион завязал с ними широкие сношения и, как сторонник унии, сблизился с папской курией и сделался кардиналом римской церкви. В Риме его дом являлся центром гуманистического движения. Его литературная

деятельность, выражающаяся в борьбе за унию, в пропаганде и переводе греческих классиков, целиком протекала в Италии.

Хотя Византия погибла как самостоятельное государство, но византийская культура продолжала оказывать сильное воздействие на народы восточной Европы. Влияние этой культуры продолжали испытывать турки и греки, сербы и болгары, армяне и грузины, румыны и русские. И, быть может, особенно сильным и длительным оно было в царской России, после падения Константинополя официально выступавшей в качестве наследника Восточного Рима. Брак Ивана III с Софией Палеолог в 1472 году и принятие византийского двуглавого орла в качестве официального герба Московской державы являлись в глазах московских верхов символом того, что Московская Русь стала преемницей Византии. Этой идеи русское самодержавие упрямо придерживалось в течение ряда веков, несмотря на перемены в социальной и политической жизни России. Византийское самодержавие и православие отстаивались как незыблемые «устои» государства. Так же, как в Византии, царский, а затем императорский дворец являлся центром и средоточием всей самодержавной правительственной машины, центром, имевшим неотразимо притягательный характер для всех искателей должностей, богатства и влияния. Государственный чиновничий аппарат, построенный согласно табели о рангах, несмотря на разность в терминологии чинов и должностей, был точно скопирован с византийского образца и действовал теми же методами. Так же, как византийские василевсы, русские цари стремились ассимилировать покоренные народности путем привлечения к себе на службу представителей местной знати. Так же, как и в Византии, православная церковь находилась в тесной зависимости от государства; являлась могучим орудием одурманивания народных низов при помощи монастырей и монахов, «чудотворных» икон и мощей; вела миссионерскую деятельность; разжигала религиозную нетерпимость и насильственными мерами стремилась подавить инакомыслящих.

Считая себя наследниками василевсов, русские цари тем самым принимали на себя двойную обязанность: «покровительства» восточным христианам и ликвидации последствий событий 1453 года. Конечно, проекты изгнания турок из Европы и захвата Константинополя и проливов диктовались и экономическими и политическими интересами русских помещиков и буржуазии, но форму и историческое обоснование этим проектам давала идея «византийского наследства».

Для реализации этих проектов царизм вел ряд войн, были пролиты реки человеческой крови, но достигнуть своей цели ему так и не удалось. В течение всего XIX века царизм наталкивался на упорное сопротивление этому захвату со стороны Англии и Франции, также ставивших своей целью превращение Турции в свою колонию. С конца XIX века конкурентом царизма выступила империалистическая Германия, стремившаяся при Вильгельме II превратить Турцию в свою экономическую и политическую колонию.

Но русско-турецкие войны означали шаг вперед в смысле освобождения балканских народов. «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—7 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества». ¹

Возродившиеся к самостоятельной государственной жизни в XIX в. малые Балканские государства также претендовали на наследие Византии. Неудивительно, что при таких условиях Балканский полуостров в течение XIX и начала XX века являлся настоящим пороховым погребом, угрожавшим постоянно своим взрывом зажечь пожар мировой войны и действительно его зажегшим.

Но империалистическая война закончилась Великой Октябрьской социалистической революцией в России, решительно отбросившей империалистическую захватническую политику царизма. Советская страна и советский народ, охваченные энтузиазмом социалистической стройки, не желают захватов чужих территорий и не нуждаются в этих захватах. На безграничных просторах нашей великой страны быстро открываются все новые и новые природные богатства, втуне лежавшие при царизме. Осуществлен строй, обеспечивающий каждому трудящемуся самое широкое и свободное развитие его сил и способностей, открывающий дорогу к счастливой, зажиточной жизни. Решительно порвав с захватническими планами царизма, советское правительство с первых дней своего существования аннулировало тайные договоры, предусматривавшие раздел Турецкого государства. Таким образом, интерес к истории Византии в наше время не связан, как при царизме, с какими-то захватническими планами, а является чисто научным интересом, обусловленным многовековым воздействием византийской культуры на культуру народов СССР.

¹ Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 109.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. Начало Византии</i>	9
<i>Глава II. Политическая история Восточно-римской империи в V веке</i>	28
<i>Глава III. Политическая история Восточно-римской империи в VI веке. Переход в наступление и попытка «реставрации» на Западе</i>	53
1. Внутренняя политика Юстиниана	—
2. Внешняя политика Юстиниана	70
3. Византийская культура V—VI веков	88
<i>Глава IV</i>	100
1. Кризис VII века и крах мировой империи	—
2. Крупные изменения в этническом составе населения и социальной структуре Византии VII века	112
<i>Глава V. Иконоборческое движение</i>	119
1. Византия в VIII в.	—
2. Византия в IX в.	125
3. «Темные века» византийской культуры (VII—IX вв.)	131
<i>Глава VI. Македонская династия (867—1056).</i>	137
1. Внутреннее состояние империи	—
2. Политическая история Византии времени Македонской династии	155
3. Византийская культура IX—XI веков	175
4. Византия, Русь и Западная Европа	188
<i>Глава VII. Византия и Крестовые походы</i>	195
1. Внешняя и внутренняя политика Комнинов	—
2. Попытка создания демократической монархии. IV крестовый поход и крушение Византии	215
<i>Глава VIII.</i>	231
1. Латинская империя и Никейская империя	—
2. Восстановление Византийской империи. Революционное движение зилотов. Агония Византии при Палеологах (XIV—XV вв.)	236
<i>Заключение</i>	255

Ответственный редактор
О. Л. Вайнштейн.

* * *

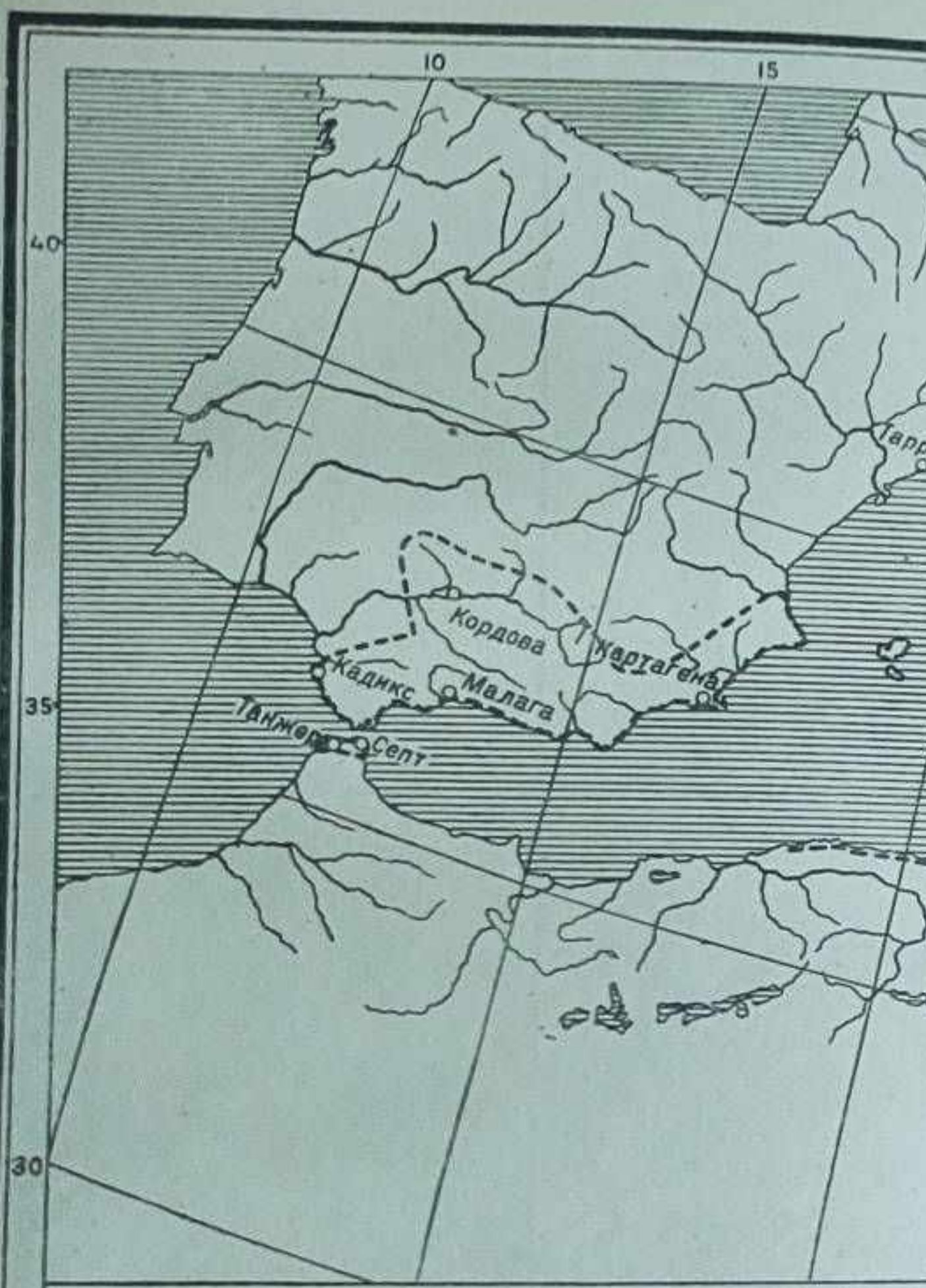
Техн. редактор *А. В. Андерсон.*
Отв. корректор *Г. А. Лучинский.*
Переплет, титул, заставки и концовки
работы худ. *А. Ушина.*

* * *

Сдано в набор 16/II 1940 г. Подписано к печати 19/V 1940 г. Леноблгорлит № 1225. Соцэкиз № 1686. Тираж 20000. Объем 19 уч.-изд. л. + вклейки 0,9 16¹/₂ п. л. + 5 вклеек. Формат бумаги 60×92¹/₁₆·8¹/₄ бум. л. Тип. зн. в 1 бум. л. 90940. Цена книги 5 р. Переплет 1 р. 75 к. Заказ № 105.

* * *

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

КАРТА ИМПЕРИИ

6975 K